

МАРАТ ШАФИЕВ

Всевременные мысли

Ниджат Мамедов «Непрерывность». 2022

Каждый текст заслуживает отклика (Иисус бы добавил: а каждый труд – вознаграждения), даже если текст воспринимается автором не как собственный, а диктовка, но труд переписчика – тоже работа. Автор в большинстве случаев откликом бывает недоволен, но если автор – сам передатчик (*«он пишет стих, как бы ещё до того, как его осознал»*), так ли он уверен, что в тексте разбирается лучше (*«Спрашивающий сведущ не более Спрашивающего»*), и не дело ли критика выуживать на свет смыслы, которые Текст, как и всякая Тайна, скрывает от чужого взгляда?

Но прежде о трёхязычии книги: на русском, азербайджанском (авторская интерпретация) и английском (перевод Эмиры Серовой) – *«На каком языке ты понимаешь себя сегодня?»* Понятно желание автора быть далеко услышанным (а читателю, для которого перечисленные языки – функциональные, ещё и любопытно сравнить оригинал с копией), но владеющий одним «языком» купит ли книгу, две трети которой – «воздух»? Хотя близится время, когда нам придётся платить за чистый воздух, как сейчас платим за чистую воду.

Идрис Шах уже выпускал наполовину чистую «Книгу книги», но это нечто иное – лакуны нужно было заполнять собственными мыслями. А впрочем, и в той «понятной» части многое остаётся непроходимым лесом. Вот через этот бурелом я и предлагаю рискнуть пробраться.

А замечательность моего отклика в том, что, принявшись читать книгу, я отложил её в сторону, чтобы записать сразу нахлынувшие на меня впечатления, а когда вернулся к отложенному, то в готовое эссе просто вписывал цитаты, подтверждающие правоту моих выводов, оставляя «неподходящие» искателю, который *«носит в себе свою дорогу»*. Но, может быть, я оболыщаюсь, и универсальность поэтического текста такова, что готова дать ответ на любое вопрошание, ибо и параллельные прямые сходятся в некой точке искривлённого пространства. Возможно даже, что точка встречи и первоначальная точка расхождения – одна и та же: *«будто идёшь навстречу своему отражению – не знаешь куда, но ты уже там»*.

Расшифровка названия книги приоткрывается в следующем: *«Лишь имя скрепляет меня со мной,/ ибо избрал я кочевье,/ протяжённость мира как непрерывность своего и твоего отсутствия»*. «Мировое началось кочевье» – сто лет назад испытала на своей шкуре Цветаева, а мы – потомки кочевников – удостоверяем, что оно не прекращалось никогда, ведь что такое коловращенье Космоса (от кванта до Канта), как не жизнеутверждающее перемалывание в ступе зёрен звёзд? Мука зерна или творчества – оказывается, не только ничтожная перестановка букв, но и ударения вызывает отнюдь не ничтожные последствия.

Коловращенье всегда центробежное (*«Ты – ось,/ позволяющая нанизывать вокруг себя мою самость»*), и эта энергетическая замкнутость на себя (Колесо) и задаёт движение. А как же декламируемая свобода рассеивания, к примеру – того же верлибра? В свободном падении/парении человек Руми обретает крылья. Но птичья стая или лошадиный табун – полная свобода, и никакого прогресса. Мир возникает в результате добровольного ограничения Богом Своего Могущества (отсюда: Бог умер?). Культура возникает, когда человек ограничивает себя запретами: не убий, не лжесвидетельствуй, не укради, не копируй. Верлибр, не признающий рифмы и, сле-

довательно, заданности новой строки, всё равно нуждается в скрепах, идентифицирующих верлибр как поэзию. Всё равно остаётся традиционная ритмика, густая метафорическая и ассоциативная насыщенность. Верлибр в своём высшем постмодернистском явлении хоть и всячески стебается, принижает классику, но его «белым» мясом только и питается, как навозный червь. Если классика ещё вспоминается, то только потому, что постмодерном постоянно цитируется.

Преодоление классики, а в общем – жизни, невозможно по причине того, что нас втолкнули в уже готовую Реальность, не спросив нашего желания, даже наши грёзы – иллюзиорны и смешны для четырёх-пяти-и больше мерного Сознания. Фолкнер находит выход в самом поражении, в огне которого закаляется духом, что синонимично Хемингуэю: человека можно убить, но не победить. И если победа не даётся в мире, она происходит в смерти. Смерть справедливее и честнее жизни: *«А смерть любит всех без разбору»*.

Но если для чего-то зажигаются звёзды, то для чего пылает и человек *«между свободой и полным исчезновением»*. Вселенная нуждается в постороннем взгляде, замершем в удивлении перед её неистощимыми, могущественными демонстрациями. Замершем или испускающим вопль тоски. И этого нам достаточно знать, чтобы находить мужество для существования: *«И мыслить о поэзии столь же важно, сколь мыслить поэзией»*.

Физикам знаком и такой парадокс: взгляд наблюдателя, просвечивающий частицу, сбивает её с курса и искажает её природу. Эксперимент над Словом – та же любимая теория Резерфорда о трансформации вещества. Не видовая дарвинская мутация, а превращение одного вещества в полностью другое. Физики не боялись экспериментировать, убедившись в устойчивости миропорядка, покоящегося на разных «табу»: скорость света, всемирное тяготение и прочее. И если физики не взорвали мир, то есть надежда, что его взорвут лирики и построят новый мир по своим правилам: *«Правил нет, либо они меняются с каждой секундой»*. Строительный словесный материал в своих конструктивных возможностях также неисчерпаем: *«При желании можно/ переписать описание, а затем переписать переписанное»*.

Этот разговор непрерывный, даже не «цитата» Цветаевой, а «цикада» Мандельштама – неумолкаемость ей свойственна. Но *«мне сейчас хочется, чтобы ты бросил читать и вышел погулять»*. Такие разговоры высокого напряжения (*«Молния выбирает дерево/ с нужным потенциалом»*) чреваты последствиями и не каждому нравятся. Но постмодернистский текст не ищет массового читателя: *«Говорят, такие стихи обычно читаются в чайхане/ для трёх-четырёх «золотых ушей» во всём городе»*, в конце концов *«ты говоришь, чтобы слышать себя»*. *«И кто ещё верит в возможность истории быть рассказанной?»*